

Тихая деревушка Аппен под Гамбургом. Назойливый телефонный звонок.

— Алло? Ну вы, как всегда, застаете меня врасплох!

...Еще бы: только вчера композитор Софья Губайдулина, заказы которой расписаны до 2011 года, поставила точку в партитуре своего нового эпического опуса.

Название:

одночастная пьеса "Превращение".

Премьера: 12 марта в концертном зале города Турку, Финляндия.

Время звучания: 15—18 минут.

Время написания: полтора месяца.

Заказчик: Trondheim Chamber Music Festival & Aboa Music Festival для персонального исполнения одним из лучших тромбонистов мира Кристианом Линдбергом вместе с Rascher Saxophone Quartet.

Стоимость заказа: 9000 евро.

ГОГОЧЕТ КЛОУН СМЕРТИ

Шлягер Губайдулиной взорвет Европу

Софья Асгатовна, а вы не продешевили? Впрочем, не знаю: много это или мало...

— Мало, конечно. Эти деньги не окупают затрат... Хотя нет, нормально: только на заказ никто из композиторов не живет. Да и не получится. Другое дело, процент от каждого исполнения: если есть интерес к моей музыке, то каждые три месяца на счет падают какие-то деньги. Более или менее серьезные. Это и есть наша зарплата. А за отчислениями в Германии строго следит ГЕМА — общество по защите авторских прав.

— **Голос усталый... Может, бросить все и махнуть в Альпы?**

— Вы правы. Лет десять уже не отдыхала, утомилась... Потому что каждый раз опаздываю со своим сочинением; скажем, "Превращение" должна была сдать заказчику еще 20 января, а сегодня у нас какое? А пи-

Внутренний свет Софии...

шу так: если в начале работы нахожусь, особенно себя не принуждаю. Прогуляюсь, подумаю... Чтобы тонко и полновесно слышать интуицию, не подавлять ее. Когда же появляется концепция, наработанное звучание — тут уже не разбираешь, где дни, а где ночи. Интенсивная жизнь! Хотя отдельные моменты эйфории делают ее значительной. Вот и выбирай: расслабиться или...

— **О вашем выборе я уже догадался.**

— Нет, были бы время и здоровье, с удовольствием отправилась бы в горы. На лыжах покататься... Что вы, какие горные лыжи? Обычные. Погулять в долине...

— **А что со здоровьем?**

— Простудилась. Вообще неважно себя чувствую. Гриппую.

— **Что врач говорит?**

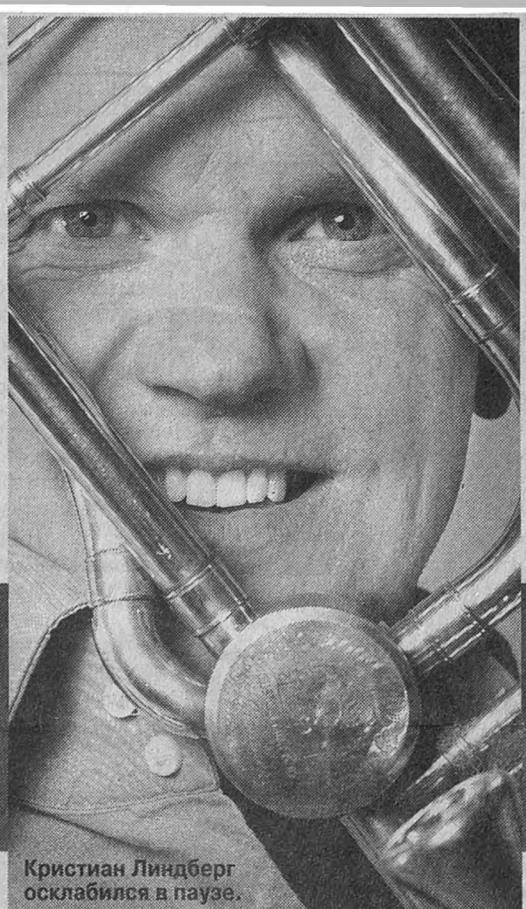
— Вы сочтете меня бескультурной, но я очень давно не была у врача. Полежу дома, погрееусь, все и пройдет.

— **Не скучно одной?**

— Как же — одной? А муж? Во-первых, он со мной, во-вторых, рядом живет композитор Виктор Суслин с женой. Такая вот у нас русская колония. Чаепития устраиваем, но не часто. Самое главное — моральная поддержка, когда можно, не опасаясь, что тебя не поймут, поделиться своими проблемами — и музыкальными, и житейскими.

— **С родными людьми — одно, а вот заказчики не выказывают неудовольствия?**

— Пока ни разу не было... Например, Бостонский

Кристиан Линдберг осклабился в паузе.

оркестр не диктует мне, что хочет в содержательном смысле. Это мой выбор, моя свобода. Четко оговариваются лишь две вещи: время звучания и состав исполнителей. В бостонском контракте так и стояло: "не более 20 минут". Вынуждена исполнить, усмирить свою фантазию.

— **Почему вы решили назвать последний опус "Превращение"? Это как-то перекликается с кафкианскими темами?**

— Дать имя не так-то просто. Это в прошлом веке над партитурой могло значиться — "симфония до мажор" или "симфония ре минор". Сейчас это не пройдет: тональность перестала быть актуальной. Мне было легко с названием — смысл давал хорошее слово. А Кафка... У него человек превращается в насекомое, а у меня...

...Приглушенный свет. Проектор бродит по залу, не находя жертвы... На сцене — четверка саксофонистов заодно с виолончелью и контрабасом. Безмолвствуют. Вдруг из недр сцены является клоун — красный костюм, шутовской колпак и... тромбон. Прыгает прямо в зрителей. Его так и распирает на общение. Кивок — звук, покашливание — звук, отзывается на любое движение шалеющей публики. Та нутром чувствует: тромбонист неадекватен. И, словно в подтверждение этого, его — тромбониста — разносит на дикий хохот, ехидный и саркастический...

— **Стоп, стоп! Софья Асгатовна, как этот хот передать музыкально?**

— Посредством тромбона "вариации на тему хохота" могут хорошо получиться — и в мундштук и без мундштука: особенность инструмента.

— **А как это в партитуре прописано?**

— Вы правы, хохот не нотруется, но я оставляла много словесных пометок и рисунков, особенно в местах, где исполнитель свободен от того, чтобы давать точную высоту. И потом, произведение писалось конкретно для Кристиана Линдберга, и мне очень хотелось использовать его артистические способности. Он тут же ответил мне, что с удовольствием пойдет навстречу, приготовит нужные костюмы...

...Доведя до исступления зал, клоун-тромбонист вбегает на сцену, пристает к саксофонистам, заходясь в безумном танце. Пляска его обрывается на фортиッシмо — тишина... Клоун сдирает с головы дурацкий колпак, облачаясь в черный плащ. Тем временные струнные начинают красивую мелодичную тему, завершая превращение агрессивного шута в спокойную и трагическую фигуру. Музыкальный язык — глубокий и понятный, но вопиюще безмерно...

— Эта вещь совсем для меня не характерна. Но тем и интереснее было ею заниматься. Непременно поеду на репетиции.

— **В Россию не собираетесь?**

— Пока нет. Сейчас же паспорта меняют. Мне русский паспорт пришлют в конце лета, тогда и посмотрим.

— **За что теперь возьметесь?**

— Гидон Кремер снова захотел от меня пьесу получить для скрипичного соло, струнного оркестра и двух ударников. Греет меня этот заказ. Потом Филадельфийский оркестр рассчитывает на масштабное сочинение... Так что надо спешить.

— **Вы, главное, не болейте!**

— Спасибо вам, спасибо!..

Ян СМЕРНИЦКИЙ.

Софья Асгатовна — 13 февр. — с. 17

ИТАР-ТАСС